

Чистильщик

Мороз В. Е

Морок В.Е

Чистильщик

<https://litres.ru/74535947>

SelfPub; 2026

Аннотация

Память пахнет озоном и старой пылью.

Десять лет Майя проникала в чужие головы, аккуратно вырезая то, что причиняет боль. Она была хирургом души. Она не задавала вопросов. Пока не наткнулась на файл, который не должна была видеть. Файл, зашифрованный её собственным ключом.

В мире «Мнемо» забвение — роскошь. Боль — привилегия. А память — товар, который можно купить, продать или украсть. Майя знала это лучше других. Но она не знала одного: её собственная жизнь — тоже украдена.

Чтобы вернуть себя, ей придётся спуститься на самое дно. Найти человека, который сам вырезал себя из системы. И решить, что страшнее: стерильное счастье или грязная, невыносимая, живая свобода.

Для тех, кто помнит запах старой бумаги. И горького кофе.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. СТЕРИЛЬНОСТЬ	6
ГЛАВА 2. ЭХО	11
ГЛАВА 3. ГРЯЗНЫЙ АРХИВ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Морок В.Е

Чистильщик

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга началась с запаха.

Не с идеи. Не с образа. Не с вопроса «а что, если?». Она началась с запаха старой бумаги и горького кофе — двух вещей, которые не должны значить ничего, но значат всё, если вы когда-нибудь теряли их.

Я не знаю, кто вы. Я не знаю, где вы. Я не знаю, помните ли вы своё детство — или, как большинство людей в этом мире, помните только факт, что оно было. Но я знаю одно: вы держите в руках не просто книгу. Вы держите карту. Карту территории, которую у вас забрали так давно, что вы даже не помните, что она существовала.

Её звали Майя. Она была чистильщиком. Она вырезала из чужих голов то, что причиняло боль, и зашивала память так, что шрамов не оставалось. Она делала это десять лет. Она была хороша в этом. Она была лучшей.

А потом она нашла в чужой памяти файл, зашифрованный её собственным ключом.

Эта книга — о том, что бывает, когда человек, который стирал чужие жизни, обнаруживает, что его собственная жизнь тоже стёрта. Это книга о памяти — не как о наборе данных, а как о единственном доказательстве того, что мы существуем. Это книга о выборе между комфортом и болью, между стерильным счастьем и грязной, страшной, невыносимой свободой.

Но прежде всего это книга об одном запахе. Запахе бумаги. И кофе. Запахе, который пережил всё: чистки, стирания, переписывания, архивацию. Запахе, который оказался сильнее системы.

Если вы когда-нибудь забывали что-то важное и потом внезапно вспоминали — на улице, в очереди, в лифте — и мир на секунду замирал, потому что это воспоминание было живым, тёплым, настоящим, — тогда вы знаете, о чём эта книга.

Если не знаете — тем лучше. Значит, вы ещё не потеряли.

Читайте. И пока читаете — вспоминайте.

ГЛАВА 1. СТЕРИЛЬНОСТЬ

Память пахнет озоном и старой пылью. Это первый признак того, что погружение началось.

Я чувствовала, как холодный гель обволакивает мои виски, создавая герметичный кокон между реальностью и бездной. В ушах нарастал низкочастотный гул — звук работающих серверов «Мнемо», пульсирующий ритм огромного механического сердца.

— Майя, уровень синхронизации — 98%. Вы входите в когнитивный слой, — голос ассистента звучал как будто через толщу воды. Далекий. Безопасный.

Я не ответила. В этой работе лишние слова — это лишние колебания нейронов. А колебания — это ошибки. А ошибки в моей профессии стоят жизни.

Я сидела напротив него в приёмной «Мнемо» — идеально белой, идеально тихой, идеально пустой. Господин Варгас был крупным мужчиной с дорогими часами и лицом человека, который никогда не сомневался в своих решениях. Он улыбался. Он шутил. Он сказал: «Ну что, доктор, вырежете мне мой маленький грешок?»

Я ответила: «Вы даже не почувствуете».

Он рассмеялся. Но его пальцы — я заметила это — на секунду сжались в кулак. Я списала это на нервы. Все клиенты нервничают. Даже те, кто улыбается.

Я не спросила, что именно он хочет забыть. Это не моё дело. Это никогда не было моим делом. Пока не стало.

Десять лет я работала чистильщиком. Десять лет я проникала в чужое прошлое, аккуратно, как хирург, вырезала раковые воспоминания и зашивала память так, что шрамов не оставалось. Клиенты просыпались с лёгким головокружением и ощущением, будто с их плеч сняли тяжёлый, невидимый груз. Они улыбались нам и уходили. Мы были стоматологами души — люди знали, что процедура необходима, но старались о ней не думать.

Я тоже старалась не думать. Особенно о том, что мы вырезаем не только боль. Иногда — совесть. Иногда — любовь. Иногда — то, что человек просто не хотел помнить. Я говорила себе: это его выбор. Но выбор делал не он. Выбор делал тот, кто мог заплатить.

Я закрыла глаза, и мир физической реальности рассыпался на серые пиксели.

Темнота не была пустой. Она была плотной, как черная смола. Я ощущала, как мое сознание растягивается, становясь тонкой нитью, проходящей сквозь лабиринт чужих мыслей. Я скользила по коридорам чужого опыта: вот вспышка солнечного света (детство), вот резкий запах горелого хлеба (утро), вот тягучее, липкое чувство вины (недавнее прошлое).

Моя задача была проста: найти «загрязнение».

Клиент — господин Варгас, один из тех, чьи фамилии вы-

сечены на фасадах небоскребов, — заказал чистку. Он не хотел забывать всё. Он хотел стереть лишь одну деталь. Один неловкий момент, который мог разрушить его репутацию. Маленькую трещину в его безупречном фасаде.

Я скользила глубже, в сегмент «Последние 24 часа».

Слой памяти Варгаса был стерильным, как операционная. Белые стены, холодный свет, идеальный порядок. Но где-то в глубине, в подвале его подсознания, я почувствовала неладное. Там, где должна была быть тишина, ощущалось напряжение. словно под ровным слоем льда шевелилось что-то живое.

Я направила поток нейронов в сторону этого шума.

Вспышка.

Я оказалась внутри его воспоминания. Сцена была размытой, как на старой пленке. Шум вечеринки, звон хрусталя, приглушенный смех. Варгас стоит у окна. Он молод, его лицо выражает скуку и триумф.

Я начала сканировать периферию. Вот он делает глоток виски. Вот он поправляет манжету. Вот в зеркале за его спиной мелькает отражение — женщина в синем платье, которая улыбается ему через зал. Он не смотрит на неё. Он смотрит сквозь неё, как смотрят на мебель. Я отметила это: даже здесь, в памяти, Варгас не видел людей. Он видел декорации.

И тут я увидела это.

В углу кадра, в тени тяжелых бархатных штор, произошло движение. Кто-то проскользнул мимо него. Это не было по-

хоже на случайного гостя. Движение было слишком точным, слишком... профессиональным.

Я присмотрелась. Мои сенсоры зафиксировали аномалию. В этот момент в памяти Варгаса произошел резкий скачок напряжения. Сердцебиение клиента в реальности участилось — я почувствовала это через обратную связь чипа.

— Майя, пульс клиента растет. Уровень кортизола зашкаливает. Рекомендую откат, — голос ассистента стал резким.

— Еще минуту, — прошептала я, хотя знала, что это нарушение протокола.

Я рванулась вперед, к самой тени. Я должна была увидеть лицо.

Тень отделилась от стены. В этот момент в моей голове что-то щелкнуло. Это не было воспоминание Варгаса. Это было нечто другое. Вспышка, которая не имела отношения к вечеринке.

В моей голове пронеслось: металлический привкус крови на языке и крик, который оборвался слишком быстро.

Я вздрогнула. Это был не звук из памяти Варгаса. Это был мой собственный звук.

— Майя! — ассистент уже кричал. — Обнаружен критический конфликт данных! Немедленный экстренный выход!

Мир вокруг меня задрожал. Стерильные белые стены памяти Варгаса начали трескаться, как дешевый пластик. Из трещин начала сочиться черная, густая субстанция. Она не была похожа на цифровой шум. Она была похожа на...

ялость.

Я почувствовала, как мои пальцы, которые я видела в виртуальном пространстве, начинают гореть.

— Выход! — скомандовала я сама себе, чувствуя, как паника, которую я так долго и успешно вытравливала из себя, ледяной иглой вонзается в позвоночник.

Я рванула назад, пытаясь вырвать свое сознание из этого захлопывающегося капкана. Последнее, что я увидела перед тем, как тьма поглотила меня, — это не лицо убийцы.

Это был сектор в памяти Варгаса, который светился зловещим, пульсирующим красным светом. Сектор, который был помечен не как «память», а как «архивный файл 00-X».

И этот файл был зашифрован моим собственным личным ключом.

ГЛАВА 2. ЭХО

Возвращение в реальность всегда ощущалось как удар под дых.

Мир не просто вернулся — он обрушился на меня всей своей тяжестью, грязью и невыносимым шумом. Я резко выдохнула, когда гель на висках начал остывать, превращаясь в безжизненную слизь. Горло саднило, а в глазах плясали цветные пятна.

— Майя! Ты слышишь меня? Глубина погружения превысила норму на 14 процентов! — Голос Марка, моего ассистента, был пропитан тем типом профессиональной паники, который обычно предшествует увольнению.

Я с трудом открыла глаза. Потолок лаборатории был ослепительно белым, стерильным, лишенным всяких изъянов. Но мне казалось, что он медленно вращается.

— Я в порядке, — выдавила я. Голос звучал хрипло, как будто я долго кричала в пустоту. — Просто... технический сбой на стороне клиента.

— Сбой? — Марк подошел ближе. Его лицо, всегда спокойное и слегка скучающее, сейчас было бледным. Он смотрел на мониторы, и его пальцы нервно постукивали по консоли. — Майя, это не был сбой. Это был системный конфликт. В секторе Варгаса произошел резонанс. Твой биометрический профиль... он внезапно совпал с зашифрованным

блоком.

Я замерла. Мои мышцы онемели.

— Что ты имеешь в виду? — я постаралась, чтобы мой голос звучал максимально сухо.

— Знаешь, как это работает, — он заговорил быстро, не глядя на меня. — Чтобы зайти в зашифрованный архив, нужен ключ. Ключ, который привязан к уникальной нейронной подписи. И когда ты подошла к этому сектору, система распознала тебя.

Он наконец поднял на меня глаза. В них не было сочувствия. Только страх.

— Но у тебя нет прав доступа к архивам «Мнемо». У тебя нет даже ключей доступа к обычным медицинским картам. Откуда у тебя ключ от «нулевого сектора»?

Я ничего не ответила. Я не могла. Потому что внутри меня, где-то между ребрами, расцветал холодный, липкий страх. Я не знала ответа. Но я знала другое: тот вкус крови, который я почувствовала в памяти Варгаса... он не был цифровым артефактом. Он был настоящим.

Марк молча отвернулся к мониторам. Его пальцы замерли над клавиатурой, и я видела, как он борется с собой — записать ли инцидент в официальный лог или промолчать. Пятнадцать лет работы в «Мнемо» научили его, что молчание иногда дороже правды.

— У меня двое детей, Майя, — сказал он тихо, не глядя на меня. — Я не могу позволить себе быть смелым.

Я кивнула. Я поняла его. И это было хуже, чем если бы он меня предал. Потому что предательство — это выбор. А это — страх. И страх — это тоже выбор. Просто сделанный заранее.

— Иди домой, Майя, — он наконец повернулся, и в его голосе не было ни дружбы, ни вражды — только усталость. — Тебе нужно поспать. И... просто не делай сегодня никаких запросов к базе. Я закрою твой доступ на ближайшие двенадцать часов. Для твоего же блага.

«Для моего блага». В этом мире эта фраза всегда означала «чтобы ты не задавала вопросов».

Я знала эту фразу. Я сама говорила её клиентам. «Расслабьтесь. Это для вашего же блага». И они расслаблялись. И забывали. И улыбались. Я никогда не задумывалась, что стоит за этими улыбками.

Я поднялась, чувствуя, как дрожат колени. Мои движения были механическими. Я прошла через шлюз лаборатории, мимо охраны, мимо зеркальных стен, которые отражали мою бледную, почти прозрачную фигуру. В стеклянной двери я на секунду встретила свой взгляд и не узнала его. Глаза были чужими — слишком яркими, слишком настороженными для человека, который провел десять лет, учась ничего не чувствовать.

Город снаружи встретил меня привычным хаосом. Нижний уровень всегда был серым. Здесь не было чистого света, только неоновые вывески, пробивающиеся сквозь вечный

смог, и бесконечный гул толпы. Люди здесь были «нечистыми» — они не могли позволить себе регулярные чистки. Их лица были тяжелыми от накопленных обид, их глаза — затуманенными от переработанных травм.

Я шла к своему жилому модулю, стараясь не смотреть на рекламные щиты, которые транслировали счастливые, стертые улыбки моделей. «Забудь о боли. Купи спокойствие. С «Мнемо» ваше прошлое — это чистый лист».

Внезапно я остановилась.

В висках запульсировало. Снова этот звук. Низкочастотный, вибрирующий, как будто где-то глубоко под асфальтом работал огромный механизм.

Я прислонилась к стене, прикрыв глаза, и в этот момент мир снова дрогнул.

Вспышка.

Я не была на улице. Я стояла в узком, темном коридоре. Стены были обшарпанными, пахло сыростью и дешевым синтетическим маслом. Я видела свои руки — они были в чем-то темном. Я чувствовала тяжесть в правой руке.

Я посмотрела вниз. На полу лежало тело. Оно было неподвижно, и я видела, как из его виска медленно вытекает густая, темная жидкость.

А потом я услышала голос. Тихий, спокойный, почти нежный.

— Ты сделала это, Майя. Теперь ты часть системы.

Я резко открыла глаза. Я стояла в переулке между двумя

небоскребами. Мои руки были чисты. Моя одежда была безупречной. Но вкус крови... вкус крови всё еще горел на языке.

Я посмотрела на свои ладони. Они дрожали.

Я не просто увидела чужое воспоминание. Я увидела свое. Но в моей памяти этого никогда не было. Моя память была гладкой, как полированный камень.

Если я это видела, значит, кто-то очень профессионально стер мою собственную жизнь.

И этот «кто-то» прямо сейчас, вероятно, наблюдал за мной через одну из миллионов камер этого города.

Я заставила себя идти дальше, не оглядываясь. В моем жилом модуле — стерильной белой коробке на сорок втором этаже — я заперла дверь, налила себе воды и села на край кровати. Руки всё ещё дрожали. Я подняла их к лицу и долго рассматривала — словно чужие. Пальцы чистильщика. Десять лет они вырезали из чужих голов то, что должно было остаться. А теперь они дрожали, как у ученика в первый день практики.

Я попыталась вспомнить своё детство. Вот мне семь лет, я сижу на полу, вокруг меня — книги. Я помню запах бумаги. Я помню, как мать звала меня к столу. Я помню...

Нет. Я не помню.

Всё, что я «помнила», было похожим на список. Перечисление фактов без плоти. «Родилась. Училась. Поступила в «Мнемо». Прошла сертификацию. Работаю чистильщиком

первого класса». Это была не память. Это было досье.

Я попробовала вспомнить вкус. Не запах. Вкус. Мать пекла что-то по воскресеньям. Что-то с корицей. Или с ванилью. Я не помню. Я помню только факт: «мать пекла». Но не помню ни вкуса, ни тепла, ни того, как она называла меня. Только слово «мать». Как строчку в анкете.

Я не спала в ту ночь. Впервые за десять лет я боялась закрыть глаза, потому что не была уверена, что открою их тем же человеком.

ГЛАВА 3. ГРЯЗНЫЙ АРХИВ

Утром я не пошла на работу. Впервые за десять лет.

Вместо этого я спустилась на Нижний уровень. Туда, куда чистильщики из Верхнего города обычно не заглядывают — ни по работе, ни по собственной воле. Лифт, соединяющий уровни, дрожал и скрипел, словно даже он не хотел опускаться так низко. Когда двери разъехались, меня ударил запах.

Нижний уровень не просто пах — он имел вес. Тяжелый, влажный запах разогретого пластика, дешевой еды и человеческого пота. Здесь неоновые огни не освещали путь, а скорее пытались пробиться сквозь вечный смог, создавая мешанину из ядовито-розовых и кислотно-зеленых пятен.

Я шла по узким улицам, стараясь не привлекать внимания. В моем безупречном сером пальто я выглядела здесь как экзотическое животное в клетке с крысами. Слишком чистая. Слишком «стерильная».

Мой мозг всё еще пытался переварить то, что я увидела в переулке. Тот коридор. То тело. То ощущение, что моя жизнь — это тщательно выстроенная декорация, за которой скрывается пустота.

Мне нужен был кто-то, кто не верит в «чистоту» корпорации «Мнемо». Кто-то, кто живет в зазорах между битами информации. Я не знала, как найти такого человека, но знала, что в Нижнем уровне слухи распространяются быстрее,

чем сигналы по оптоволокну. Здесь, внизу, люди ещё помнили, как разговаривать без посредников.

Я никогда не думала, что окажусь здесь. Чистильщики не спускаются на Нижний уровень. Мы — стерильные. Мы — те, кто стирает. Мы не должны видеть то, что стираем. Это как хирург, который не смотрит в лицо пациенту. Так проще резать.

Я остановилась у лавки, где продавали подержанную электронику — потрошённые смартфоны, вынутые из трупов чипы, кабели со следами зубов крыс. Старик за прилавком, с лицом, изрезанным морщинами так глубоко, что в них можно было прятать секреты, посмотрел на меня без удивления.

— Ты ищешь «Архивариуса»? — голос раздался не от старика, а из темноты за его спиной.

Я вздрогнула и обернулась.

Рядом со мной, прислонившись к стене, стоял мужчина. Он был одет в поношенный плащ, а его лицо скрывала тень от глубокого капюшона. Но его глаза... они не были туманными, как у большинства жителей низов. Они были слишком острыми. Слишком внимательными.

— Я не ищу никого, — соврала я, ускоряя шаг.

— Те, кто приходят сюда с таким взглядом, всегда кого-то ищут, — он сделал шаг в свет неоновой вывески. — Особенно когда их собственный «бэкграунд» внезапно начинает выдавать ошибки.

Я остановилась. Мое сердце пропустило удар.

— Откуда ты...

— Я не спрашиваю, кто ты, Майя, — перебил он, и от того, как он произнес мое имя, по моей спине пробежал холод. — Я просто знаю, что ты из «Верха». И знаю, что сегодня в твоём секторе произошёл скачок.

Он подошел ближе. От него пахло старой электроникой и крепким кофе.

— Идем. Если не хочешь, чтобы «чистильщики» корпорации нашли тебя раньше, чем ты найдешь ответы.

Он развернулся и пошел вглубь лабиринта улиц. Я колебалась всего секунду. В этом мире выбор всегда был между «медленной смертью в безопасности» и «быстрой смертью в неизвестности». Я выбрала второе.

Мы спустились еще ниже. Уровни, где стены были сделаны из переработанного композита, а вместо освещения использовались мерцающие провода. По дороге он не говорил ни слова, но я чувствовала, что он проверяет меня — несколько раз он резко менял направление, и я каждый раз шла за ним без колебаний. Только на третий раз он обернулся и едва заметно кивнул, словно я прошла какой-то тест.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.